

НОВОМОДНЫЙ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

ЧЕЛОВЕК-ЭПОХА

Статья приурочена к первому юбилею светлой памяти Всеволода Петровича Сысоева (1911–2011 гг.), дальневосточного писателя, охотоведа, музейного и общественного деятеля.

Ключевые слова: Всеволод Сысоев, Дальний Восток, Хабаровск.

Keywords: Vsevolod Sysoev, Far East, Khabarovsk.

Минуло десять лет, как нет с нами Всеволода Петровича Сысоева — патриарха дальневосточного охотоведения, писателя, музейного и общественного деятеля. Будучи широко известной личностью, открытым для диалога человеком, живо откликавшимся на все события хабаровской действительности, за время своей продолжительной жизни и активной деятельности, Всеволод Петрович был для местных

Всеволод Сысоев, 1931 год.

краеведов символом связи поколений. Для нас, молодых, которым посчастливилось общаться с ним лично, он являлся живым воплощением людей из грозных 1930-х – 1940-х годов и славных подвижников расцвета науки и культуры времён хрущёвской оттепели 1950-х – 1960-х.

В 1970-х – 1990-х годах, когда Хабаровское книжное издательство большими тиражами под мягкой обложкой выпустило

несколько сборников его литературно-художественных произведений, я, как и многие другие, стал обладателем целой библиотечки книг Вс. П. Сысоева, приобщился к его творчеству. Но мало знать работы писателя. Мне всегда была интересна история формирования его личности.

Сысоев неоднократно признавался в интервью и отмечал в своих книгах, что вполне удовлетворён прожитым, что считает себя счастливым человеком, и, насколько нам известно, никогда публично не сетовал на неприятности, которые, как и со всяким, безусловно, случались с ним за долгий век на жизненном пути. Лишь в личных беседах он иногда доверительно рассказывал, в том числе автору этих строк, о тех критических ситуациях, которые заставляли его напрягать все свои силы для достижения поставленной цели, а в определённые моменты становиться жёстким, принципиальным и нелицеприятным человеком или даже вынужденно менять ориентиры. Недаром же по материнской линии он происходил из особого дворянского сословия — свободолубивой смоленской шляхты, наследия Речи Посполитой на русской земле. Часть этих историй я знаю в пересказе его дочери Ольги Всеволодовны, которая во время моей учёбы в Хабаровском пединституте сначала учила нас, студентов

«химдыма», методике преподавания биологии в школе, а позднее под её руководством в отделе природы нашего музея постигал все премудрости музейной работы. Вот об этих малоизвестных фактах биографии её отца мне хотелось бы рассказать в данной статье, так как задуманная им на эту тему автобиографическая повесть «Мятежная душа: История жизни одного охотоведа» (первая публикация состоялась в 2005 г. на страницах газеты «Суворовский натиск»), к сожалению, так и осталась неоконченной. Она доведена лишь до послевоенного возвращения в уже ставший к тому времени ему родным город — Хабаровск.

Так угодно было распорядиться судьбе, что именно в беззаботные детские и юношеские годы, хоть и совпавшие с трудными для нашей страны и её народов временами, Вс. П. Сысоев получил заряд интереса к живой природе прямо из рук ласковых к человеку, чудесных в своём великолепии субтропиков южного берега Крыма — «тёплых задворков России». А великолепие убранства многочисленных местных дворцов, где ему доводилось бывать и даже жить, чтение произведений художественной литературы развили эстетическое чутьё, тягу к прекрасному, нетерпимость к чувственной фальши. Однако, как нам известно, в этот период был и весьма драматичный момент. Когда мать уехала из врангелевского Крыма на материк и не смогла вернуться назад, через фронт, в девятилетнем возрасте мальчик оказался один, без родительской поддержки. Ему грозила бы голодная смерть, но маленький Севка в компании с такими же «беспризорниками» научился искать пропитание в море: не столько ловить рыбу, сколько собирать мелкую съедобную живность. Тем и выжил, несмотря на малолетство!

Впоследствии, в возрасте двадцати одного года, находясь в едином душевном порыве с молодёжью того времени, захваченный перспективами индустриализации страны, он уезжает из Крыма и поступает в хороший вуз — знаменитую Бауманку (ныне Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана), но вскоре понимает, что это не его стезя. Тянуло к природе, ведь к этому времени он уже стал заядлым охотником, и выход был найден. В Советской России взялись тогда не только за переустройство человеческого общества, но и за природу. На государственном уровне на щит было поднято кредо селекционера И. В. Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у неё — наша задача». В 1933–1937 годах Сысоев учился на биотехника-охотоведа в московском Институте пушного звероводства, в 1934 году переименованном во Всесоюзный зоотехнический институт пушно-мехового хозяйства Наркомзема СССР. Здесь он слушал лекции и занимался у целой плеяды выдающихся учёных-биологов, в том числе Петра Александровича Мантейфеля (1882–1960 гг.), знаменитого зоолога-охотоведа и великолепного рассказчика, с

которым советовался и вёл переписку всю жизнь, считая его своим идейным отцом. Нужно сказать, что такое внимание к охотничьему промыслу со стороны государства было не случайно. В конце 1920-х годов доход от экспорта пушнины вышел на первое место в числе источников валютных поступлений в бюджет страны, превывсив прибыль от продажи пшеницы, поэтому в эту выгодную отрасль народного хозяйства тогда не жалели вкладывать средства. В производственном масштабе в СССР проводились опыты по акклиматизации ценных пушных зверей. Именно в такое время Вс. П. Сысоев начинает работать по специальности на Дальнем Востоке, на севере Приамурья.

Вс. П. Сысоев (слева) в Маньчжурии, 1945 год.

Поначалу суровый характер и однообразие северной природы угнетали, но когда довелось познакомиться с Уссурийским краем, сердце Всеволода Петровича оттаяло, он безоговорочно принял Дальний Восток. Выздоровев после тяжёлой, но излечимой болезни, без какого-либо особого протекции летом 1939 года он стал начальником Госохотинспекции по Хабаровскому краю и на этой должности прослужил, с перерывом в годы войны, до середины 1950-х годов. Наряду с совершенствованием традиционных методов охотпользования, под его руководством на подведомственной территории полным ходом шла реакклиматизация животных, названных русским «мягким золотом», — соболей тёмного кряжа (тип окраски меха). Источником её был Верхне-Бурейнский соболиный рассадник, созданный на базе найденной в верховьях реки Буреи вполне жизнеспособной популяции.

(Во многих местах ареала соболь вымирал.) Благополучно и повсеместно вселили также его родственника — американскую норку — и водного грызуна ондатру родом с того же континента. Плодами этих усилий до сих пор с успехом пользуются профессиональные охотники и любители, поэтому Всеволод Петрович этим фактом гордился и всегда подчёркивал, что считает его своим главным вкладом в народное хозяйство нашей страны.

После Великой Отечественной войны в правительстве началась череда структурных преобразований. Так, в декабре 1953 года при Министерстве сельского хозяйства СССР было организовано Главное управление по заповедникам и охотничьему хозяйству. В октябре 1955 года это управление было реорганизовано и вошло в состав Главного управления лесами Министерства сельского хозяйства СССР. В связи с переподчинением организационно-правовой статус хабаровского подразделения настолько понизился, что Сысоеву даже нормального кабинета в этом ведомстве не нашлось. Конечно, чувствуя себя ни за что униженным, Всеволод Петрович обиделся, справедливо считая себя равным с остальными управленцами краевого уровня, и решил искать другое место работы, по душе. Он и меня так наставлял: «Себя нужно уважать, иначе другие это делать не будут. Если тебя не ценит руководство той организации, где служишь, уходи без сожаления. Всё равно ничего хорошего не добьёшься. Я всегда так поступал».

В 1955–1958 годах Всеволод Петрович работал в Хабаровском педагогическом институте, на факультетах естествознания и географии — сначала преподавателем, а затем его избрали деканом последнего. Здесь он с успехом применил опыт, наработанный им в самом начале трудовой деятельности, когда работал охотоведом в Зейской землеводоустроительной экспедиции Наркомзема РСФСР. Студенческие практики он наполнил деятельным содержанием. Навыки изыскателя пригодных для проживания и производственной деятельности территорий будущим географам и биологам могут быть очень полезны в жизни. Кроме того, он умело использовал стремление молодёжи того времени к путешествиям, к активному познанию родного края, к занятиям туризмом. По содержанию отчёты за практику приближались к производственным! Например, был составлен капитальный коллективный труд по технико-экономическому обоснованию хозяйственного освоения слабо развитого Кур-Урмийского района. Но оказалось, что не всем такое нравится (дорого обходится, да и опасно, лучше занимайтесь школой), были жалобы в вышестоящие инстанции. Однако проверки не выявили недостатков, а, наоборот, деятельность Вс. П. Сысоева похвалили и поставили в пример другим.

Хорошо известно, что для студентов декан — «отец родной». Одна из девушек пожаловалась ему, что, используя

своё служебное положение, её домогается один из высших руководителей института. Всеволод Петрович возмущился и вынес обсуждение этого безобразного факта на партсобрание. С человеком разобрались, но начались трения с ректором — частенько слишком активных подчинённых недолюбливают. В это время от Хабаровского отпочковался Комсомольский-на-Амуре пединститут. В список факультетов-переселенцев попал и географический. Почему, случайно или нет — история умалчивает. Доводы его декана о том, что на нём готовятся самые широко образованные специалисты народного хозяйства, в расчёт приняты не были, но с любимым Хабаровском он прощаться не стал, а просто уволился. Полгода поработал Сысоев в Амуррыбводе, провёл летний сезон в экспедиции на реке Амгуни, но понял, что ихтиология не его стезя. Два года работал он научным сотрудником в Дальневосточном научно-исследовательском институте лесного хозяйства (г. Хабаровск). Вроде бы все признавали, что лес — сообщество сложное, там растут и размножаются не одни только деревья, но и другие существа животного и растительного мира. Не имея собственного научного направления, он помогал другим. Предложил руководству института запросить в союзном министерстве соответствующую его научному профилю тему о влиянии лесозаготовок на жизнь охотничьих зверей на всей территории Дальнего Востока. Но Москва эту тематику не утвердила. В то время ему, видимо, даже не составило особого труда написать пресловутый «кирпич» — рукопись диссертации на эту тему, но коллеги её забраковали. «Если судить по предъявляемым к ним критериям, для кандидатской слишком широка по количеству обсуждаемых вопросов, и вполне могла бы сойти за докторскую, но каждый в отдельности так

Вс. П. Сысоев и академик А. П. Окладников в совместной экспедиции.

мало разработан, что не потянет даже в качестве кандидатской», — примерно так говорил мне в 1986 году старейший в то время лесовед Дальнего Востока Константин Петрович Соловьёв (1896–1987 гг.). Первый блин, как говорится, вышел комом, что вовсе не редкий случай, но Вс. П. Сысоев больше не стал возвращаться в

науку. Он решил заняться другими видами деятельности — музейным делом и литературным трудом. Ведь первая книга — «Охота в Хабаровском крае» (1950 г.) — при дефиците соответствующих справочных изданий имела огромный успех и уже вскоре, в 1952 году, была переиздана.

В эти же годы, в результате выборов став председателем Приамурского (Хабаровского) филиала Географического общества СССР (был им в 1953–1959 гг.), он умело использовал энергию молодых хабаровских учёных-исследователей для организации многочисленных экспедиций в неизведанные районы Приамурья с целью комплексного экономико-географического изучения административных районов Хабаровского края. Эти работы носили настолько практически значимый и общественно зримый характер, что заслуженно принесли славу их инициатору, а этот период жизни филиала общества был метко назван известным хабаровским историком-краеведом В. А. Востриковым «сысоевским».

В феврале 1960 года Сысоев был назначен директором Хабаровского краеведческого музея, где проработал вплоть до ухода на пенсию в феврале 1972 года. Нужно сказать, что на эту должность Всеволод Петрович буквально пробился, используя нужные знакомства в высшем руководстве края. Предшествовал этому его визит к начальнику Управления культуры Хабаровского крайисполкома с предложением своей кандидатуры на вышеуказанную должность. Ему отказали: «Что ты, что ты — мы ведь совсем недавно нашли на это место подходящую кандидатуру, и человек уже начал работать! Нет, ничего изменить уже нельзя». Тогда он пошёл на приём к третьему секретарю крайкома КПСС и сказал, что испытывает горячее желание сделать краевой музей образцовым, лицом Хабаровского края, но не нашёл понимания в Управлении культуры. И партийные органы помогли ему занять этот пост. По-видимому, там понимали, что хорошо зарекомендовавший себя чиновник высокого ранга, свой, проверенный человек, остался не у дел не по своей воле. И если он рвётся в бой, нужно дать ему такую возможность.

Одним из первых дел, как рассказывал Сысоев автору этих строк, была проверка герметичности кровли. Когда он залез на чердак и обнаружил, что стропила настолько сгнили, что пальцы руки свободно погружаются в них до ладони, новый директор пришёл в ужас. Срочно нужны деньги на безотлагательный незапланированный ремонт, а их в бюджете музея нет. Тогда он, пользуясь своими прошлыми приятельскими отношениями в крайисполкоме, отправился к начальнику финотдела. Тот выслушал его, но сказал, что помочь не сможет, на этот год не утверждена такая статья расходов. По личному опыту зная, что на конец года всегда из заказанных денег остаются невостребованные

суммы (всего заранее не просчитаешь), Всеволод Петрович предложил использовать их: «Всё равно у нас их отберут в пользу центра — на следующий год ведь не перенесут, а мы сделаем доброе дело». Краевой начфин согласился, ремонт аварийной крыши провели, никого не наказали — ревизия признала использование этих средств законным. Предприимчивость и находчивость были характерны для поведения Вс. П. Сысоева.

Под его руководством наш музей стал прежде всего любимым местом для совместного времяпрепровождения родителей с детьми. В корне были реконструированы многие экспозиции, но, конечно, более всего Всеволод Петрович выразил своё восприятие животного и растительного мира Дальнего Востока в отделе природы. Хорошо понимая, что никаких денег не хватит на покупку готовых экспонатов, он организует специальные экспедиции с конкретными целями по их сбору. Сысоев умело использует наработанные за прошлые годы связи у нас и в Москве, устанавливая взаимовыгодные отношения с владельцами необходимых материалов, привлекая к работе талантливых художников и мастеров. К примеру, по договору на московскую фабрику «Военхот № 3», имевшую хорошую таксидермическую мастерскую, поставились три-четыре шкуры крупных зверей, добытых им или товарищами в Приамурье во время охоты, а взамен, как сказали бы сейчас, «по бартеру», одна из них возвращалась в наш музей уже в виде чучела. Именно так в короткие сроки Сысоев сумел создать к 1964 году совершенно новую экспозицию отдела природы. Она настолько полно соответствовала господствовавшим в то время представлениям о взаимоотношениях природы с человеческим обществом, верно, образно и ярко отражала своеобразие животного и растительного мира Дальнего Востока России, что, несмотря на изменившуюся парадигму мышления, нынешний упор на экологию, во многом не потеряла своей актуальности и, с небольшими позднейшими изменениями, существует уже почти 60 лет — уникальный случай! За неё в 1966 году автору было присвоено звание заслуженного работника культуры РСФСР. В период, когда Сысоев был директором, музей дважды был отмечен правительственными грамотами: в 1967 году — дипломом о присвоении почётного звания «Лучший музей РСФСР» за многолетнюю плодотворную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся, а в 1970 году — дипломом первой степени за активное участие и успехи во Всесоюзном смотре работы музеев, посвящённом 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Благодаря Всеволоду Сысоеву Гродековский музей ныне является обладателем уникальных, многопудовых природных экспонатов — натуральной берлоги гималайского медведя и ствола тисового дерева почти двухтысячелетнего

Михаил Шолохов в Хабаровском краеведческом музее, 1966 год.

Экскурсия для бельгийских фотодокументалистов, 1968 год.

Экскурсия в музей с гостями из Монголии, лето 1970 года.

возраста. Обычно охотникам сложно вынести из тайги даже добытые мясо и шкуру, не говоря уж о том, чтобы доставить из лесных дебрей по бездорожью огромную лесину. Каждая из таких экспедиций — настоящая транспортная эпопея, которую сейчас, видимо, никто не согласится повторить ни

за какие деньги. Конечно, современные музеи не должны быть только кунсткамерами, но и без таких ярких, запоминающихся штучных экспонатов он просто будет тривиален даже в таком богатом регионе, как Дальний Восток. Всё это прекрасно понимал Всеволод Петрович, прилагая неимоверные усилия для их добывания.

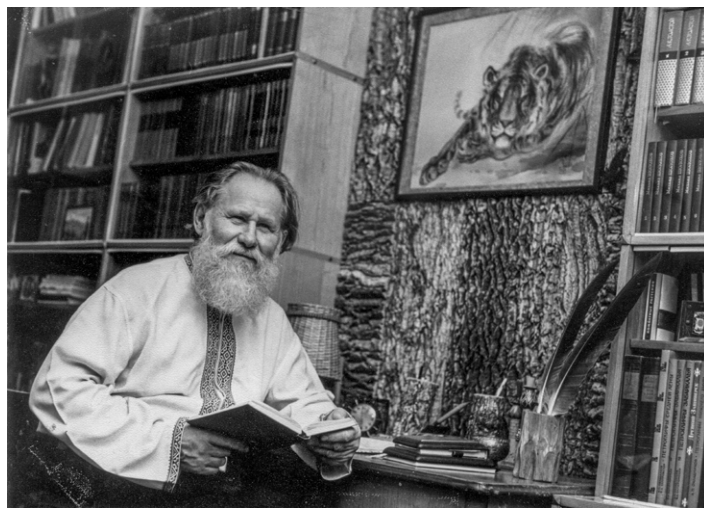
Особый вид искусства — уникальная панорама «Волочаевская битва», созданная при его непосредственном участии, — единственная в Сибири и на Дальнем Востоке, единственная, посвящённая Гражданской войне. А всего в России, вместе с нашей, их сейчас пять. Сами посудите о ценности этого произведения, относящегося к батальному жанру изобразительного искусства. Из нашего с ним разговора выяснилась в том числе и такая интересная деталь. Оказывается, Сысоев и не рассчитывал на такую удачу, когда в 1967 году в Москве, на совещании в Министерстве культуры, познакомился с художником-баталистом С. Д. Агаповым из знаменитой студии военных художников имени М. Б. Грекова, который со своим другом А. А. Горпенко лишь в предыдущем году закончил живописное полотно диорамы «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой в районе станции Крюково. 1941 год»¹. Неожиданно для самого себя Всеволод Петрович задал возбуждённому от похвал и поздравлений художнику провокационный вопрос: «А сумели бы вы создать диораму последнего крупного сражения на полях Гражданской войны — Волочаевского боя?» «А почему бы нет?» — запальчиво ответил Агапов и обещал посоветоваться с напарником. Вскоре замечательные мастера сообщили о своей готовности начать работу. Так Вс. П. Сысоев фактически инициировал создание нашей панорамы. Дело было политически окрашенным (полная победа красных!), поэтому Министерство культуры брало на себя оплату работы коллектива художников и бутафоров, а подходящее здание для размещения художественного полотна и макета местности предлагалось найти местным властям. Естественно, как директор, он был рад и горд получить такой уник в музей, но долго не ставил последних в известность, потому что понимал, что за договорённости с Москвой через голову начальства ему крепко влетит даже за такой раритет. Когда из студии пришло сообщение, что эскизы готовы и от Хабаровска нужно подтверждение о том, что здесь тоже решаются вопросы строительства панорамы, он пошёл к своему другу, первому секретарю крайкома партии А. П. Шитикову, и они от своего имени отправили телеграмму, что всё идёт хорошо. Ну а потом, конечно, был скандал, отношения с председателем крайисполкома А. К. Чёрным и его преемником на посту Г. Е. Подгаевым

совсем испортились, но дело было сделано. Когда Министерство культуры за подписью самой Е. А. Фурцевой обратилось непосредственно в Хабаровский крайисполком, дело со строительством сдвинулось с мёртвой точки. Средства были изысканы, найден подходящий (как для музея в Алма-Ате!) проект... Историю создания своего детища Вс. П. Сысоев впервые рассказал в главе «Дальневосточный Перекоп» книжки «Путешествия по музею. Записки краеведа», увидевшей свет в 1979 году в Хабаровском книжном издательстве².

В советские времена Хабаровск являлся единственным городом Дальнего Востока, открытым для посещения иностранцами. Что же они смотрели прежде всего? Конечно, музей. Поэтому отдел природы, находящийся в голове всех экспозиций, выступал и выступает в качестве его лица, служит визитной карточкой и музея, и края. Когда Всеволод Петрович спросил у знаменитого чешского путешественника Иржи Ганзелки, какая отличительная черта нашего музея бросилась ему в глаза, он ответил, что «умение немногими предметами рассказать о многом, — в вашем музее не

Встреча со школьниками, 1986 год.

Всеволод Петрович Сысоев, 1980-е годы.

¹ Холст высотой 2,65 м и шириной 12 м находится в Московском областном краеведческом музее, г. Истра.

² Сысоев, Вс. П. «Дальневосточный Перекоп» // Путешествия по музею / Вс. Сысоев. — Хабаровск, 1979. — С. 65–75.

рябило в глазах от обилия экспонатов». Выводы по этому замечанию очень актуальны и в наше время. Хотя экспозиции музея во времена Сысоева создавались согласно типовым шаблонам, утверждённым Минкультом, ему и его единомышленникам из коллектива сотрудников удалось создать место самобытное, типично дальневосточное. Поскольку экспозиция в музейном деле чаще всего рассматривается как особый род публикации, можно считать, что она и была его диссертацией по созданию и организации музейного пространства.

У Всеволода Петровича был ещё один природный дар — в виде хорошего слога речи. Благодаря ему Сысоев прочно занял своё место в дальневосточной литературе, в той её части, которая называется научно-художественной.

Не греша против реальной действительности, работая в жанре писателя-натуралиста, ему удалось поделиться с читателем всем, что волновало его в жизни. В буквальном смысле этого слова, сев за рабочий стол самого В. К. Арсеньева, он и в делах, и на литературном поприще выступил продолжателем его лучших традиций.

В завершение сделанного мной обзора славных дел Всеволода Петровича Сысоева как пример глубокого понимания им житейских проблем хочу привести его пожелание, сказанное мне и в то время сильно удивившее: «Советую жить там, откуда ты сможешь ходить на работу и с работы пешком». Заметьте: не материального или научного успеха он желал мне, а, как я со временем понял, физического здоровья и душевного равновесия, ключ к которым — ходьба!

Фотографии из фонда Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова.

Материал поступил в редакцию 16.09.2021.

*Сведения об авторе: Новомодный Евгений Владимирович, старший научный сотрудник научно-исследовательского сектора природы Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: evgenov@mail.ru; тел. (4212) 30-66-91.*